

Он и Цзян Линьлинь прогуливались по городку Лунцзин, окружённые природой. Большинство домов в деревне отставали от быстро развивающегося времени, но эти здания придавали городку особую традиционность и загадочность. Цзян Линьлинь шла перед ним, смеясь и шутя, как любая девушка из Лунцзина.

Он не видел Шэнь Мян в Лунчэне, но мог представить. Вероятно, он одевался более модно, а его друзья были такими же, как он — воспитанными, добрыми, но не глупыми. Шэнь Мян мог бесконечно говорить с ними, показывая свою лучшую сторону.

Если бы не тот день, когда над городком пролетела звезда, они бы остались незнакомцами в этом огромном мире.

И что тогда? Если однажды Шэнь Мян закончит свои экзамены, их жизненные пути больше не пересекутся?

Шэнь Мян станет успешным человеком, а он?

— Жун Юэ, иди сюда! — Цзян Линьлинь увидела у дороги лоток с золотыми рыбками, присела и загорелась, её глаза отражали яркие цвета живых существ.

Жун Юэ подошёл и тоже присел, его чёрные глаза загорелись. Он тоже влюбился в этих живых существ.

— Да, они прекрасны.

Цзян Линьлинь смотрела на него, улыбаясь с удовлетворением.

Жун Юэ знал, что она улыбается, и, обернувшись, увидел эту простую улыбку, и сам улыбнулся.

Если бы он стал обычным мальчиком, смог бы он когда-нибудь улыбаться так же?

В его сне небо было мрачным, чёрные тучи готовы были обрушиться на землю. Волки, вдохнувшие гелий, издавали странные и пронзительные звуки. На их шеях были чёрные цепи, другой конец которых уходил в мерцающее небо. Они цеплялись за цепи, стараясь добраться до существа, которое могло бы управлять их судьбой.

Кролик, который направил на них дуло ружья.

Но они не знали, что на шее кролика тоже была цепь, и небо тянуло его вверх.

— Бум-бум-бум!

Волки издали предсмертные стоны.

Цепь на шее кролика натянулась, и небо резко дёрнуло его вверх.

Удар был слишком сильным, его голова дёрнулась, и он потерял сознание.

Жун Юэ проснулся в тревоге, весь в поту.

Он даже не обулся, в панике открыл дверь и выбежал наружу.

Но там никого не было.

— Папа? — с трудом произнёс Жун Юэ.

Никакого ответа, вокруг была мёртвая тишина.

Жун Юэ достал записную книжку Жун Хуая, дрожащими руками быстро перелистывал страницы, из неё выпало множество визиток. Он сел на холодный пол, начал искать и, найдя нужную, крепко сжал её в руке, набрал номер на домашнем телефоне.

Пока он ждал ответа, звуки системы звонка раздавались в трубке. Жун Юэ слушал их, закручивая уголок своей одежды, лоб всё ещё был покрыт потом.

— Кто это? — голос на другом конце был холодным и ленивым. — Вы не знаете, что сейчас выходные? Не знаете, который час?

Жун Юэ глубоко вдохнул, пытаясь взять себя в руки.

— Доктор Си Му, это Жун Юэ.

Си Му замолчал на мгновение.

— Да, что случилось?

Жун Юэ хотел спросить, когда он выйдет на работу, но Си Му сказал, что у них сейчас отпуск, и предложил встретиться. У Си Му сегодня были планы, и если Жун Юэ хотел его увидеть, то ему пришлось бы пойти в церковь.

В Лунцзине была церковь, христианская.

Когда Жун Юэ пришёл, дети из хора пели, а Си Му, одетый в шерстяное пальто, лениво сидел на стуле, безучастно глядя перед собой.

Дети хора были одеты в белые одежды, их чистые голоса разносились по маленькой церкви.

Си Му слушал, и две слезы скатились из его бесстрастных глаз.

Жун Юэ был шокирован.

Когда песня закончилась, Си Му вывел Жун Юэ наружу.

Чтобы поговорить, Си Му отвел его в ближайшее кафе, заказал ему чай с молоком.

Си Му в свободное время сильно отличался от рабочего. Он расслабленно откинулся на стуле, время от времени отхлёбывая горький кофе, и только через некоторое время вспомнил о своём собеседнике.

— Что ты хотел?

Жун Юэ тоже помешивал чай.

— Мне кажется, что в последнее время я не в порядке.

— О, — Си Му слегка выпрямился, заинтересовавшись.

Жун Юэ не очень хотел обсуждать свой мир с этим хитрым человеком, но на этот раз сон был

слишком тревожным, поэтому он честно рассказал всё.

Си Му спросил:

— Я заметил, что твои предыдущие сны тоже были странными. Почему на этот раз ты так обеспокоен? Потому что на этот раз твой противник — не просто животные из того же мира, а сам мир?

Жун Юэ задумался.

— Могу я задать вопрос, который меня интересует? — Си Му усмехнулся. — Почему ты хочешь стать нормальным?

Жун Юэ был ещё больше озадачен.

— Когда я говорил, что хочу стать нормальным?

— Из твоего рассказа, ты сказал, что гулял с одноклассницей, видел золотых рыбок и её улыбку, и думал, сможешь ли ты улыбаться так же, если станешь нормальным.

— Это не значит, что я хочу стать таким.

— Если ты хочешь улыбаться так, значит, ты хочешь такого же состояния души, — Си Му снова взял кофе. — Я не такой, как доктор Ли, я не стремлюсь к нормальности любой ценой. Поэтому, если ты хочешь сохранить свою жизнь такой, как сейчас, я помогу тебе найти баланс между твоим миром и этим. Если ты хочешь стать как все, я тоже могу помочь. Судя по твоему текущему состоянию, тебе нужен переходный период для таких изменений.

Нормальный?

Жун Юэ сразу понял его слова.

— Ты имеешь в виду, что я беспокоюсь, потому что становлюсь нормальным?

Си Му кивнул.

— Так мне кажется.

Он указал пальцем на сердце Жун Юэ.

— Ты, должно быть, в последнее время жил неплохо, окружён заботой друзей, любовью семьи и вниманием тех, кто тебе важен. Ты, вероятно, погружён в счастье.

— Но я... не привык?

— Это нормально. Как после войны, некоторые люди, вернувшись с фронта, не могут привыкнуть к обычной жизни.

Жун Юэ понял, глядя в окно, он вдруг громко рассмеялся.

— Потому что я — урод, я создан для абсурда, и когда жизнь даёт мне нормальность, я начинаю беспокоиться. Безумие, болезнь и одержимость — вот мой образ жизни.

Си Му спокойно смотрел на него, даже когда тот разразился таким истерическим смехом.

— Если ты хочешь измениться.

Жун Юэ покачал головой, не зная, что ответить.

Он лучше, чем кто-либо, знал себя. Для него обыденность была пугающей, а безумие позволяло сохранить себя. Он должен быть чувствительным, уязвимым, психически неуравновешенным, чтобы не быть обманутым этим миром.

Он играл с миром, и ему нужны были козыри. Если он примет обыденность, он сразу проиграет, став ещё одним рабом этого мира.

*

When you're rife with devastation.

(Когда ты переполнен разрушением.)

There's a simple explanation.

(Причина проста.)

You're a toymaker's creation.

(Ты — творение мастера игрушек.)

Trapped inside a crystal ball.

(Заключённое в хрустальный шар.)

And whichever way he tilts it.

(И как бы он ни поворачивал его.)

Know that we must be resilient.

(Знай, что мы должны быть стойкими.)

We won't let them break our spirits.

(Мы не позволим им сломить наш дух.)

*

<http://bllate.org/book/16180/1451390>